

Раздел III. Среда развития

Развитие постсоветской Центральной Азии происходит в среде, перегруженной конфликтами разного типа и интенсивности. Среди внутренних конфликтов особо выделяется противоречие между утверждающей свои новые интересы надстройкой, представленной, за исключением Таджикистана, бывшей советской номенклатурой, и старыми основами общественного устройства. Унаследованная всеми постсоветскими государствами экономическая и социальная структура была создана и приспособлена под потребности такого специфического образования, как СССР. Новые государственные образования не испытывают нужды в большей, если не подавляющей части полученных от прошлого основ организации социально-экономической жизни.

Острейшие конфликты также разворачиваются на верхушечном уровне по поводу перераспределения ограниченных природных ресурсов, будь то земля, вода или минеральное сырье. Хрупкая государственность, эгоистические устремления правящих и господствующих групп, зачастую реализующих свои интересы через подрыв или подавление возможностей для развития местных производительных сил, дестабилизируют и деформируют среду развития на страновом уровне.

На региональном уровне среда развития формируется при решающем влиянии афганского фактора. Территория Афганистана превратилась для региона в рассадник нестабильности, оружия, беженцев и наркотиков, а в последнее время и вооруженного терроризма.

В ближайшие десятилетия Центральная Азия вряд ли окажется в состоянии найти адекватные ответы на вызовы развития и безопасности собственными силами. В распоряжении новых независимых государств отсутствуют достаточные финансовые средства и институциональные ресурсы для того, чтобы предотвратить дальнейшее сползание к нестабильности. В лучшем случае правящие режимы способны ситуативно реагировать быстро меняющуюся ситуацию. Инерция, набранная в первое десятилетие независимости, уверенно ведет регион к обострению экономической, социальной, политической и религиозной ситуации.

Между тем географическая близость Центральной Азии России и Китаю, сравнительно богатые природные ресурсы Казахстана и Туркменистана, быстрая интеграция региона в глобальную наркоэкономику, а также нарастающая здесь волна терроризма с угрозой его интернационализации предопределяют активное участие региональных и глобальных центров силы в формировании локальной среды развития.

Хрупкая государственность: вызовы и ответы

Устойчивое поступательное развитие невозможно вне благоприятной среды. В качестве такой среды может выступать лишь национальное государство. Как в свое время отмечал С. Кузнец, "нет случайности в том, что, измеряя и анализируя экономический рост, мы говорим об экономическом росте наций и используем национальные счета. Поступая так, мы просто полагаем, что суверенное государство является важным фактором современного экономического роста, что при заданном транснациональном всемирном характере предложения полезных знаний и науки главный факультативный фактор современного экономического роста в виде государственной единицы играет критическую дополняющую роль в приспособлении экономических и социальных институтов таким образом, чтобы облегчить и максимизировать использование этих знаний"¹.

Формальные признаки государственности приобрели все бывшие советские республики. Однако не все они располагают необходимыми внутренними потенциями для конституирования в устойчивые государственные образования. Часть транзитных государств уже пополнила большую группу "провалившихся" (failed) государств современного мира. В этих странах государство оказывается хронически неспособным обеспечить надлежащий уровень внутренней стабильности и безопасности, а также создать условия для устойчивого экономического роста. Не исключено, что некоторые из вновь образовавшихся государств на постсоветском пространстве окажутся недееспособными не только в функциональном смысле. Все они находятся в самом начале государственного строительства, причем многие начали буквально с нуля и не имеют возможности опереться на историческую традицию. Теоретически нельзя исключить, что в ряде случаев генезис государственности в конечном счете может пойти в тупик. В некоторых случаях молодые постсоветские государства ожидают глубинная трансформация, включая изменение государственных границ.

Судьба транзитных государств определится при развертывании в историческом времени универсальной парадигмы "вызов - ответ"². Вызовы, с которыми сталкиваются новые независимые государства, существуют как внешняя заданная реальность. При этом не столь важно, осознают ли в постсоветских странах сущность стоящих перед ними вызовов и пытаются ли сформировать механизмы ответов. Отсутствие реакции, как и ложная неадекватная реакция, в принципе, также является значимым ответом.

13.1. Формирование зоны устойчивой нестабильности

Вряд ли необходимо доказывать, что в Центральной Азии образовалась зона устойчивой нестабильности. Ее появление вызвано тремя основными причинами. Во-первых, сменой относительно структурированной биполярной организации международных отношений периода холодной войны структурной неопределенностью постбиполярного мира. Во-вторых, распадом Советского Союза, запустившим исторически длительный и конфликтный процесс генезиса самостоятельных государств. В-третьих, интенсивным воздействием глобализации.

Послевоенное противостояние двух систем, возглавляемых соответственно СССР и США, структурировало международные отношения вокруг ключевого принципа безопасности. Общность и неделимость угрозы оказаться уничтоженными безотносительно к тому, кто первым нанесет ядерный удар, способствовало формированию глобальной иерархической системы безопасности. В вершине иерархии находилось военно-стратегическое равновесие двух сверхдержав. Поддержание стабильности само по себе не было целью противоборствующих систем. Тем не менее постоянно модифицируемая параллельно развитию техники взаимного уничтожения система глобальной безопасности поддерживала определенный уровень стабильности. Прибегая к аналогиям из физики, можно сказать, что стабильность была "наведена" страхом перед возможностью оказаться уничтоженными в результате ядерной войны.

При этом высокий уровень стабильности поддерживался лишь на самых верхних этажах системы, в том, что имело непосредствен-

ное отношение к военно-стратегическому паритету двух сверхдержав, а также блоковому противостоянию в Европе. На более низких этапах прорыв чужой безопасности допускался самыми разными способами, исключая применение ядерного оружия. Более того, дестабилизация на периферии системы военной безопасности противника была важнейшей целью внешней политики.

С окончанием холодной войны исчез (по крайней мере кардинально трансформировался) и структуро- и иерархообразующий фактор мирового геополитического пространства. Одновременно выяснилось, что нижние этажи рассыпающейся глобальной системы не только обладают инерцией, которую определенное время сверхдержавы пытались погасить через сотрудничество в деле урегулирования региональных конфликтов, но ускоренными темпами приобретают самостоятельную логику развития. Классическим примером такого развития ситуации может служить Афганистан.

Советскую интервенцию в этой стране Предопределили потребности (так, как они понимались советским руководством) обеспечения безопасности сверхдержавы. Поддержка же дуги напряженности на южных границах СССР была одной из приоритетных целей американской внешней политики. Положение в Афганистане оказалось дестабилизированным на долгие десятилетия. Постепенно региональный афганский конфликт, образовавшийся в эпоху глобальной конфронтации сверхдержав, был продавлен внутрь постсоветского пространства. Результатом расползания и интернационализации афганского конфликта стало участие внешних сил в свержении легитимной на тот момент власти в Таджикистане в 1992 г.

В силу многих причин Таджикистан как государство оказалось в наименьшей степени готовым и способным к тому, чтобы хотя бы частично компенсировать развал прежних структур обеспечения безопасности от внешних угроз. Впрочем, позднее, на рубеже столетий вылазки боевиков в Кыргызстане исчерпывающе показали, что и эта страна не способна самостоятельно справиться с внешними угрозами.

Второй причиной поддержания устойчивой нестабильности в регионе стало вступление Центральной Азии в стадию активного государственного строительства. Распад СССР был во многом предreshен тем, что к концу 80-х гг. настойчивые попытки некоторых среднеазиатских республик (наряду с прибалтийскими) выйти из под конт-

роля общесоюзного центра и де-факто трансформироваться в независимые государственные образования (речь идет преимущественно о Казахстане и Узбекистане) увенчались успехом. Мировой опыт подсказывает, что всюду и везде процесс консолидации самостоятельного государства достаточно длителен и проходит небезболезненно.

До включения Средней Азии и Казахстана в советское пространство ни одна из пяти республик не существовала в качестве самостоятельного государства. Административные границы внутри СССР были проведены во многом произвольно и нарушили сложившиеся многовековые тенденции расселения народов в регионе. В начале 90-х гг. XX века Институт географии РАН выделил в регионе девятнадцать проблемных зон, границы которых могут быть оспорены³.

Но дело не только и не столько в трудностях территориального размежевания. Открытым остается сам вопрос о том, способны ли центральноазиатские страны в принципе выстроить государственность на унаследованной территории. Генезис государственности в регионе принципиально отличается от известных исторических аналогов. В основе образования, например, западноевропейских государств лежала национальная консолидация. Недаром за ними закрепилось название *nation-states*, а понятия «государство» и «нация» в приложении к ним воспринимаются как синонимы. Государство как социально-экономический и политический организм и границы возникали здесь параллельно и/или следовали за процессами этногенеза.

Центральноазиатские страны стали наследниками квазигосударственности, нарезанной в советское время в иных исторических условиях. Они как бы получили государство и государственные границы "сверху" до того, как силы истории определенно показали, что в данной точке пространства имеются необходимые и достаточные предпосылки для появления и нормального функционирования самостоятельного государственного образования. Подобные инверсии в генезисе государственности в регионе во многом объясняют его высокую конфликтогенность.

Нынешняя ситуация на постсоветском пространстве рождает некоторые аллюзии с генезисом государственности в бывших колониях. Многие из них, вырвавшись из единого общественно-экономического и политического организма с бывшей «метрополией», оказались неспособны функционировать сколько-нибудь эффективно и по-

что немедленно закрепились в группе так называемых «наименее развитых государств». Данное определение является, по сути дела, эвфемизмом такого понятия, как «слабодеспособное государство» или получающего в последнее время все более широкое распространение «провалившееся, несостоявшееся» государство (failed state).

В Центральной Азии примерами таких государств стали Кыргызстан и Таджикистан. В Таджикистане придавленные в советское время острейшие внутренние конфликты вышли из под контроля, что проявилось в резком обострении борьбы за власть. Чисто поверхностно политические противники размежевались на «красных, коммунистов», с одной стороны, и «исламо-демократов», с другой. В действительности же различные идеологические установки маскировали властные и имущественные притязания конкурирующих регионально-территориальных кланов. При этом и «демократическая» оппозиция, и «коммунисты» получали значительную помощь извне, включая поставки вооружений.

Столкновение старой номенклатуры, оказавшейся неспособной обеспечить даже косметические перемены, с агрессивной рвущейся к власти оппозицией спровоцировали гражданскую войну. Точнее события 1992-1994 гг. года было бы определить как военно-криминальный беспредел, мощный выброс варварства, в котором столкновения по политическим мотивам потерялись в стихии криминальных разборок, имущественных грабежей, набегов и погромов. В результате почти шестимесячных гражданских беспорядков погибло около 50 тыс. чел., полмиллиона человек, то есть почти каждый восьмой житель, были вынуждены покинуть места проживания.

Внутритаджикский конфликт исчерпывающе продемонстрировал, что в стране отсутствуют предпосылки для формирования нормально функционирующего государства. Особое значение имеют два обстоятельства. Во-первых, здесь не просматривается даже зачатков диалоговых механизмов, способствующих достижению компромисса в верхушечных кругах и перевода политической борьбы в современное цивилизованное русло. Во-вторых, переход от экономики советского типа к рыночно-ориентированной системе сопровождается, хотя и медленной, приватизацией природных ресурсов, земли, водных источников и других элементов производительных сил и экономической структуры. Нахождение у власти, которая структурировалась по

клановому и/или протонациональному, земляческому принципу, заметно повышает шансы получить лучшую и большую часть бывшей «общенародной собственности» для тех сил, которые продвинули своих представителей на государственные посты.

Перед Таджикистаном реально замаячила перспектива полной дезинтеграции, бесконечного дробления конфликтов на все более мелкие составляющие, а в конечном счете, войны всех против всех. На регулярную дестабилизацию постоянно нацелены те круги, которые оказались потеснены в ходе борьбы за власть, либо претендующие на более широкое участие во властных структурах. Нестабильность стимулируется и тем, что большинство новых идей и механизмов развития направлено на расщепление, дробление, атомизацию интересов, а значит, несет с собой глубинные подвижки в материальном и социальном статусе не только высших слоев и групп, но и широких масс населения.

Кыргызстан погрузился в пучину слаборазвитости в целом в мирной обстановке. До конца 90-х гг. этой стране удавалось пресекать перерастания внутренних противоречий в открытые конфликты, а также дистанцироваться от таджико-афганского хаоса. Десять лет развития в условиях независимости исчерпывающе продемонстрировали, что Кыргызстан не обладает достаточным набором факторов для обеспечения поступательного экономического развития. За счет внешних займов и помощи кыргызская экономика как-то держится на плаву, но без постоянных вливаний извне она в лучшем случае застынет в депрессивном состоянии.

Показательно, что от полного экономического обвала и последующей социальной катастрофы Кыргызстан не спасло подчинение логике глобализации. Напротив, глобализация способствовала обострению внутренних проблем.

Здесь мы подошли к принципиальному отличию современной ситуации на постсоветском пространстве от периода деколонизации "третьего мира". Развитие новых государств проходит при определяющем воздействии глобализации. Глобализация до предела усложняет процессы экономического развития и государственного строительства, накладывает на них системные ограничения. Влияние глобализации на постсоветские страны реализуется по трем главным каналам: экономическому, информационному и политическому.

Экономически глобализация вынуждает становящиеся экономики подстраиваться к императивам, диктуемым глобальной экономикой. Возможности национальных правительств проводить независимую денежную, фискальную, структурную политику не просто ограничены, а сведены к нулю. Главной целью экономической политики становится максимальное приспособление национального пространства к требованиям, налагаемым глобальной экономикой, а не развитие местных производительных сил.

Информационно глобализация стягивает разрозненные пространства в единое поле. Свободная практически ничем не ограниченная циркуляция информации разъедает традиционное сознание и структуры, присущие каждому конкретному обществу, ослабляет сложившиеся социальные связи и тем самым порождает социально-политические напряжения особого рода.

Политически глобализация заставляет национальные правительства модернизировать внутренний политический процесс, ускоряет внедрение институтов формальной демократии, способствует формированию диалоговых структур. Модернизация политического процесса, безусловно, полезна и необходима, но в ином, незападном социокультурном контексте она не всегда дает ожидаемые позитивные результаты.

При этом глобализация накладывается на нестабильную внутреннюю ситуацию, присущую нестационарным процессам и режимам.

13.2. "Афганизация" как возможный сценарий для региона

Центральная Азия перегружена разного рода проблемами, не имеющими легкого решения. Среди них: территориальные споры, абсолютное и относительное перенаселение, сохраняющаяся высокая демографическая динамика при том, что уже достигнутая численность населения избыточна относительно природно-климатического и экономического потенциала региона, острая нехватка водных ресурсов, массовая вовлеченность населения в наркопроизводство и наркотранзит и т. д. Основным вызовом для всех новых независимых государств является выход на траекторию устойчивого экономического роста.

Между экономической катастрофой и депрессивной стабилизацией

В середине 80-х гг. мировое сообщество было вынуждено констатировать провал усилий по формированию в странах Африки южнее Сахары режима устойчивого самоподдерживающегося роста, которые настойчиво предпринимались со времен деколонизации. В 1960-1990 гг. валовой внутренний продукт на душу населения в африканских странах, взятых в целом, не увеличивался, а уменьшался. Неспособность "черного континента", за редкими исключениями, генерировать экономический рост темпом, превосходящим темп роста населения, обернулась драматическими социальными и политическими последствиями.

Функциональная несостоятельность нескольких десятков государств, с трагической регулярностью проваливающихся любые попытки их экономического возрождения - а с этой целью задействовались неоклассические (ортодоксальные и гетеродоксные), структуралистские, этатистские и всевозможные другие рецепты и программы - представляет собой феномен современного мирового развития. Феномен не менее значимый и поучительный, чем постоянно находящееся в центре научной дискуссии "азиатское экономическое чудо".

По уровню развития центральноазиатские страны можно разбить на две условные группы. В первую входят Казахстан и потенциально Туркменистан, во вторую - Кыргызстан и Таджикистан. Узбекистан занимает между двумя этим парами стран промежуточное положение.

Прибегая к условным параллелям, Казахстан можно отнести к редким примерам "успешных" африканских стран. В 1990-2000 гг. среднедушевой ВВП здесь сократился менее глубоко, чем в соседних странах (за исключением Узбекистана), а во второй половине десятилетия вырос на 19% (см. табл. 1). В значительной мере такая динамика объясняется не только интенсивной разработкой богатых природных ресурсов, но и прогрессирующей депопуляцией. В межпереписной период 1989-1999 гг. население этой страны уменьшилось на 1,25 млн чел. или на 7,7 %⁴.

С экономической точки зрения значительный отток населения облегчает Казахстану переход от командно-мобилизационной экономики к рыночной. Массовая миграция сглаживает и остроту проблемы занятости, так как усиливающаяся все последние годы минераль-

но-сырьевая специализация казахской экономики предьявляет весьма ограниченный спрос на рабочую силу. Другое дело, что сокращение абсолютной численности, а значит, и плотности, населения накладывает непреодолимые ограничения на эффективное экономическое освоение огромной территории. В 90-е гг. из без того разряженная плотность населения в Казахстане понизилась с 6,0 до 5,5 чел. на 1 кв. км, что является одним из самых низких показателей в мире.

Таблица 1

Динамика среднедушевого ВВП в государствах Центральной Азии*

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2000 в% от 1990	2000 в% от 1995
Казахстан	-11,6	-5,1	-8,5	-10,4	-6,4	+1,7	+3,6	-0,4	+3,1	+10,0	78	119
Кыргызстан	-9,3	-14,3	-14,6	-20,6	-6,4	+5,7	+8,4	+0,5	+2,4	+4,2	60	123
Таджикистан	-11,0	-29,0	-13,4	-20,1	-14,3	-5,9	+0,1	+4,4	+3,4	+7,0	41	109
Туркменистан	-7,1	-7,6	-12,2	-20,5	10,2	-9,7	-28,2	+2,9	+14,4	+16,0	48	89
Узбекистан	-2,9	-13,4	-4,5	-6,9	-2,9	0,0	+3,1	+3,1	+2,8	+2,4	81	112

* - для Туркменистана использованы темпы роста населения Узбекистана. Составлено и подсчитано по: Содружество Независимых Государств в 2000 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 205, 220, 265, 295; Содружество независимых государств в 1999 году. Статистический ежегодник. С. 10; Содружество Независимых Государств в 1998 году (краткий справочник предварительных статистических итогов). С. 201, 216, 261, 277, 291, а также данным табл. 1 гл. 3.

Несмотря на очень глубокое сокращение среднедушевого ВВП в 1990-2000 гг. Туркменистан по уровню развития остается ближе Казахстану, чем другим странам региона. Доходы от экспорта газа, нефти и хлопка распределяются здесь на небольшое по численности население. После провала 1991-1997 гг. среднедушевой туркменский ВВП ежегодно растет более чем на 10%. Как уже отмечалось в гл. 4, в 2000 г. по уровню валового внутреннего продукта на душу населения Туркменистан заметно подтянулся к региональному лидеру - Казахстану.

По-иному складывается ситуация в Кыргызстане и Таджикистане. Оба государства с полным на то основанием могут быть отнесены к группе самых неуспешных в экономическом и социальном отношении государств мира. В 1990-2000 гг. ВВП на душу населения в Таджикистане сократился на 59%, а Кыргызстане - на 40%. Несмотря на некоторые положительные сдвиги в второй половине десятилетия, говорить о переломе неблагоприятных тенденций преждевременно.

Типологически близок этой паре государств и Узбекистан. Хотя среднедушевой ВВП здесь в 90-е гг. сократился менее значительно, чем у соседей, возможности поддержания достаточно высоких положительных темпов роста в этой стране в среднесрочной перспективе ограничены. К тому же население Узбекистана продолжает расти высокими темпами. Следует особо сказать и о том, что по мере увеличения разрыва между официальным и параллельным обменными курсами адекватно интерпретировать узбекскую экономическую действительность становится все более затруднительно. Тем не менее движение вниз по условной шкале развития сомнений не вызывает.

Интеграция в наркотический макрорегион

Вторым главным вызовом для Центральной Азии являются наркотики. Она расположена рядом с одним из четырех ведущих мировых центров производства наркотиков, так называемым "золотым полумесяцем", включающим территории Афганистана, Ирана и Пакистана. Крупнейшим продуцентом наркотиков в настоящее время является Афганистан. Наркобизнес превратился в ведущий сектор афганской экономики. Скорость увеличения производства наркотиков в Афганистане впечатляет. В 1984 г. здесь была произведена 41 тыс. тонн опиума, в 1989 г. - 650, в 1996 г. - 2300 и в 1999 г. - 3275 тыс. тонн. В настоящее время опийный мак выращивается на площади в 82 тыс. га⁵. В середине 90-х гг. эксперты ООН оценивали стоимость героина, поступающего на мировой рынок из региона, в 70-75 млрд долл.⁶ В наркобизнес в Афганистане вовлечены все этнические и политические силы и группировки без исключения⁷. Широкое распространение наркобизнес получил и в Пакистане. По мнению некоторых наблюдателей, современные Афганистан и Пакистан представляют собой крупные наркоимперии, сумевшие завоевать рынок сбыта опия и героина в СНГ и Европе⁸.

Первоначально Центральная Азия интегрировалась в мировой наркорынок в качестве транзитного коридора. С середины 80-х гг. Иран ввел смертную казнь за торговлю наркотиками и укрепил границу с Афганистаном, что перекрыло традиционный коридор транспортировки наркотиков по маршруту «стык границы Афганистана, Ирана и Пакистана - Иран - Турция — Европа»⁹. Ужесточение антинаркотической кампании в Иране примерно совпало во времени с распадом СССР. В

результате возникшего институционального хаоса контроль над внешними границами вновь образовавшихся государств ослаб. Это способствовало формированию центральноазиатских коридоров доставки наркотиков в Россию и Европу. Основным экспортером наркотиков через регион остается Афганистан, однако, Центральная Азия все интенсивнее используется и другими производителями. Так, мощная база производства героина на юге Китая все ближе перемещается к границам с Казахстаном¹⁰. Сюда же подтягиваются наркодельцы из Индии и Саудовской Аравии". Зафиксированы и попытки транспортировки наркотиков через Каспийское море из Ирана, которому при всех усилиях не удалось окончательно подавить наркобизнес¹². По оценкам Лондонского международного института стратегических исследований Центральная Азия в последние годы поставляет на мировой рынок больше наркотиков, чем страны "золотого треугольника" Мьянма и Таиланд¹³.

В наркобизнес вовлечено коррумпированное чиновничество центральноазиатских стран¹⁴. По словам президента Узбекистана И. Каримова: "Транзит и производство наркотиков [в Таджикистане] приобрели огромные масштабы. При этом в наркобизнес вовлечены и властные и силовые структуры"¹⁵. Не лучше положение в Кыргызстане. Некоторые аналитики квалифицируют Таджикистан и Кыргызстан как "падшие государства", которые поставлены под контроль международной наркомафией¹⁶.

Постепенно производство наркотиков расширяется и в самой Центральной Азии. Культура производства наркотиков глубоко укоренена в регионе. Известно, что некоторые районы Кыргызстана были плотно интегрированы в международные наркосети уже в последней трети XIX в.¹⁷ Даже в советские времена площадь посевов под наркокультурами, которые удавалось выявить правоохранительным органам, достигала в среднеазиатских республиках 500-600 га. В Киргизии и Узбекистане в период созревания наркокультур проводились специальные войсковые операции по уничтожению посевов¹⁸. Стоит напомнить и то, что до 1974 г. централизованные посевы мака в Киргизской Советской Социалистической Республике давали 16% мирового производства опиума".

С чисто экономической точки зрения специализация на транспортировке и производстве наркотиков для современной Центральной

Азии представляет собой логичный выбор. Во-первых, наркотики гарантируют норму прибыли, которая несопоставима ни с каким другим видом деятельности. Еще в 1991 г. детализированные расчеты показали, что делянка опийного мака площадью 16-20 кв. м в туркменских Каракумах или всего в 1,5-2 кв. м на плодородных угодьях Узбекистана приносит крестьянину такой же доход, который дает надел обычных агрокультур площадью в минимум 0,4 га²⁰. Во-вторых, доходы от выращивания наркокультур прямо попадают производителю. В-третьих, этот, эффективный с точки зрения трудо- и материальных затрат, вид деятельности, к тому же сравнительно более легок в сравнении с выращиванием зерна или хлопка. В-четвертых, растущая нищета и безработица не оставляют населению иных способов обеспечить свое существование.

Общая площадь земель, пригодная для выращивания наркосодержащих культур в Казахстане составляет 1,2 млн. га. Из них примерно половина пригодна для производства конопли, и по одной четвертой - опийного мака и эфедры²¹. Только заросли дикорастущей конопли в Казахстане и Кыргызстане позволяют получить до 6 тыс. тонн марихуаны в год²². По международным оценкам, Казахстан способен производить до 5 тыс. тонн наркотиков в год²³.

В Центральной Азии имеются все условия для переработки первичного наркосырья. Здесь сосредоточено большое количество химических предприятий, которые могут быть задействованы в том числе и для производства высокоочищенных наркотиков.

Косвенно о расширении производства наркотиков в регионе свидетельствует взрывной рост наркомании. В Казахстане, по официальным данным, регулярно употребляют наркотики 200-300 тыс. чел.²⁴ По данным социологических опросов, в Кыргызстане в 1997 г. наркотики изредка или регулярно употреблял каждый пятый (!) житель²⁵.

Как свидетельствует мировой опыт, в частности некоторых латиноамериканских государств, с определенного момента специализация на производстве и транспортировке наркотиков становится губельной для самого государства-производителя. Однако тотальная экономическая зависимость от наркоэкономики уже не позволяет вырваться из порочного круга.

Симбиоз наркотиков и "ислама"

Серьезную угрозу будущему региона представляет прогрессирующая политизация ислама. Ислам пришел в Среднюю Азию в ходе арабских завоеваний в VII-VIII вв. Исламизации подверглись прежде всего ареалы оседлого проживания среднеазиатских народов, в первую очередь в крупных городах. Несмотря на существенную примесь местных доисламских верований, а также локализации привнесенного в регион ислама за счет инкорпорирования местных культов, мусульманская религия достаточно прочно утвердилась на территориях, составляющих современный Таджикистан, Узбекистан и юг Кыргызстана, то есть районах Ферганской долины.

Кочевые племена казахов, кыргызов и туркмен оказались исламизированы намного более поверхностно. Казахстан даже с большой натяжкой трудно отнести к тем странам, где ислам укоренен на массовом бытовом уровне. Как отмечал еще в 30-е гг. XVIII в. российский исследователь Левшин, трудно решить, что такое киргизы [то есть казахи и кыргызы] в религиозном отношении - магометане, махиняне или язычники. По его мнению, исламизм здесь не угасал лишь благодаря татарским и среднеазиатским муллам²⁶. Интересно, что регулярный ислам начал целенаправленно внедряться в казахской степи Екатериной II²⁷. По замыслу, ислам должен был обеспечить надлежащую степень упорядоченности жизни на обширных колонизуемых территориях и облегчить империи контроль над ними. Если исключить меньшинство населения, то еще более далеки от ислама современные казахи, прошедшие через горнило агрессивного атеистического эксперимента.

Использование ислама в целях политической борьбы, как и массовая мобилизация населения под исламскими лозунгами, в принципе возможны в Таджикистане, Узбекистане и на вдающемся в Ферганскую долину юге Кыргызстана. Исторически на этих территориях действовали мощные исламские центры. Известно, например, что бухарские ханы активно поддерживали экспансию ислама в направлении Сибири и даже пытались помогать местным правителям в противостоянии тех с российской колонизацией²⁸.

В Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, особенно на юге, ислам глубоко укоренен и на массовом бытовом уровне. Полевые исследования показывают, что даже в менее исламизированном северном Кыргызстане три четверти коренного населения идентифицируют себя

в качестве мусульман²⁹. Обретение независимости подтолкнуло исламское возрождение в разных формах. В Узбекистане в середине 1998 г. действовало более 4 тыс. мечетей, большинство из которых было открыто в 90-е гг.³⁰ В Кыргызстане за десятилетие независимости на юге страны появилось более 2 тыс. мечетей³¹. В Таджикистане, опирающаяся на исламские лозунги, Объединенная оппозиция силой вынудила светские политические силы пойти на разделение власти и вошла в руководство страны.

Реактивация ислама в Центральной Азии напоминает процессы наблюдавшиеся в 70-е-80-е гг. XX в. в арабском Магрибе³². Как и на арабском западе, набирающий в Центральноазиатском регионе обороты мусульманский активизм обслуживает интересы самых неожиданных сил, которые имеют весьма отдаленное отношение к исламу.

Исламский активизм регулярно выплескивается на поверхность политической жизни в Узбекистане. В 1992 г. узбекские власти силой подавили группы движения "Адолат" ("справедливость"), созданные под названием "Общество поощрения добродетели и осуждения греха" и взявшие на себя функцию обеспечить равенство и справедливость в районах Ферганской долины, отброшенных в зону хронической нищеты³³. В конце 1997 г. узбекские власти были вынуждены ввести внутренние войска в г. Наманган для подавления выступлений так называемых "ваххабитов"³⁴. В феврале 1999 г. группа исламских боевиков осуществила серию взрывов в центре Ташкента³⁵.

Летом-осенью 1999-2000 гг. террористические вылазки прикрывающихся исламскими лозунгами боевиков с территории Таджикистана обрушили спокойствие в прежде мирном Кыргызстане. Боевики из Гармского района Таджикистана пытались вторгнуться на кыргызскую территорию и ранее, однако те попытки не получили широкого освещения в печати³⁶. В 2000 г. вылазки распространились на территорию Узбекистана³⁷.

Заявленной целью исламских боевиков является создание в Ферганской долине государства с самой радикальной исламской идеологией. В долине, где проживает более 10 млн чел., расположены Ошская, Джелал-Абадская и Баткентская области Кыргызстана, Ферганская, Наманганская и Андижанская области Узбекистана и Ленинабадская область Таджикистана.

На фоне расширяющейся бедности и нищеты правящим кругам нечего противопоставить растущей популярности политического ислама, кроме усиления репрессий. Так, по информации, приводимой российской печатью, в Узбекистане в 1998 г. было закрыто более 70% мечетей и большинство религиозных школ-медресе. Студенты-мусульмане были исключены из высших учебных заведений³⁸. Стоит ли говорить, что подобные меры абсолютно неэффективны. Светские режимы в Центральной Азии обречены на поражение с внешне привлекательными квазирелигиозными лозунгами, апеллирующими к идеям справедливости, уравнительного распределения благ. Тем более, что исламисты регионе получают поддержку из-за рубежа. Ужесточение репрессивных мер под флагом борьбы с религиозным фундаментализмом и с целью поддержания стабильности на самом деле дает обратный эффект, ведя к консолидации исламских сил и радикализации их позиции. Фактически эти меры вызывают ответную волну экстремизма.

В Центральной Азии мы сталкиваемся с ситуацией, когда ислам в своих целях пытается использовать международная и местная наркомафия. Апелляция к квазирелигиозным идеям становится мощным фактором конкурентной борьбы за власть и контроль над ресурсами в верхушечных слоях местных обществ. При опоре на кровнородственные и территориальные связи и финансовые ресурсы, получаемые от участия в наркобизнесе, в регионе появляются политические силы, организованные по типу латиноамериканских или африканских наркокартелей. На примере Кыргызстана процесс кристаллизации подобных политических сил достаточно подробно описал К. Баялинов³⁹.

В концентрированном виде наркокартели продемонстрировали свою мощь в 1999-2000 гг. Информированные наблюдатели прямо связывают так называемые «первую и вторую Ферганские войны» с интересами наркомафии. Как заявил официальный Ташкент бандиты уже много лет свободно курсируют из Таджикистана в Узбекистан и обратно через территорию Кыргызстана⁴⁰. По данным Совета безопасности Кыргызстана, с 1998 г. Баткенский район, где развернулись основные бои с террористами, стал перевалочной базой по транспортировке наркотиков из Таджикистана. Через район проходило до 70% таджикских наркотиков, следовавших транзитом через Кыргызстан⁴¹.

При фактическом отсутствии оборудованных границ безопасность соседних государств неделима, так как подрывающие стабильность факторы легко и быстро мигрируют по всему региону.

Экологическая деградация

От СССР Центральная Азия унаследовала непростую экологическую ситуацию. Наиболее серьезные экологические проблемы региона связаны с усыханием Аральского моря и необходимостью реабилитации от деятельности атомной промышленности.

Еще в конце 50-х гг. Аральское море с площадью поверхности в 66 тыс. кв. км и средним уровнем (глубиной) в 53,4 м было четвертым по величине внутренним водоемом на планете. К началу 90-х гг. уровень моря упал на 16 м, площадь поверхности сократилась более чем наполовину, а объем воды уменьшился на четыре пятых⁴². Образовавшаяся на месте моря сухая соляная пустыня Аралкум по площади сопоставима с Голландией⁴³. Пыльные и соляные бури разносят миллионы тонн песка и ядовитых солей на расстояния до тысячи километров от высохшего Арала, что ежегодно расширяет площадь пустыни на 15 тыс. га⁴⁴.

Исчезновение большей части моря, а с ним и привычных занятий трудовой деятельностью, сказалось на судьбе нескольких миллионов человек в Узбекистане и Туркменистане. Мало того, что они лишились традиционных источников существования, но, ввиду отсутствия альтернативы, вынуждены оставаться в экономически депрессивной и экологически неблагоприятной зоне.

Одна из связанных с Аралом проблем - высокая минерализованность и бактериологическая загрязненность его вод. В течение десятилетий соляной раствор с хлопковых плантаций и рисовых чеков по окончании сельскохозяйственного цикла сливался в море. В 1999 г. концентрация солей в Арале более чем в 6 раз превышала нормальный уровень⁴⁵. В свою очередь, это неблагоприятно сказалось на всей системе близлежащих водных источников, которые стали непригодны для питья. Не удивительно, что средняя ожидаемая продолжительность жизни в Каракалпакстане на несколько лет ниже, чем в среднем по Узбекистану, а уровень детской заболеваемости и смертности заметно выше⁴⁶.

По некоторым оценкам, экономическая реабилитация зоны Аральского моря оценивается в 50 млрд долл.⁴⁷ Понятно, что таких средств нет ни в распоряжении центральноазиатских государств, ни у международного сообщества. В 1993 г. Казахстан построил перемычку, разделившую море на Малый Арал, прилегающий к казахской территории, и Большой Арал, примыкающий к Узбекистану и Туркменистану. Площадь поверхности малого моря десятикратно уступает большому, и оно имеет шансы на регенерацию. Большой же Арал, по-видимому, обречен на исчезновение⁴⁸.

Другой острой экологической проблемой региона являются последствия ядерных испытаний и интенсивной эксплуатации урановых месторождений. В первую очередь это касается Казахстана. На территории Казахстана было произведено более 500 ядерных взрывов. Они производились на трех полигонах: Семипалатинском (470 взрывов, включая 354 подземных, 90 в атмосфере и 26 наземных), Азгир (28 подземных ядерных взрывов) и Капустин Яр (11 ядерных взрывов в атмосфере). 32 взрыва было произведено вне пределов полигонов⁴⁹. Негативное влияние на экологическую ситуацию в Центральной Азии и особенно Казахстане оказывает деятельность китайского полигона Лобнор, на котором регулярные испытания ядерного оружия проводятся с октября 1964 г.⁵⁰ В целом радиоактивные осадки распространились по территории, на которой проживает более 1,7 млн. чел.⁵¹

Всего же в Казахстане насчитывалось около 20 военных полигонов, которые в совокупности занимали 20 млн га земель, или около 7,5% всей площади республики⁵². Только на полигоне Капустин Яр было взорвано 24 тыс. зенитно-управляемых ракет. Казахстанские "зеленые" считают, что по размерам причиненного природной среде Ущерба полигоны Капустин Яр и Азгир значительно превосходили Семипалатинский полигон⁵³.

Проблема ядерных отходов актуальна и для Кыргызстана и Таджикистана. Добыча урана в Средней Азии началась еще в 40-е гг. XX в. без соблюдения каких-либо экологических требований. На юге Кыргызстана незакрепленные отвалы руды сконцентрированы в оползнеопасной зоне, вдоль реки Майлуу-Суу, что создает угрозу подпочвенного перемещения радионуклидов. Аналогичную опасность представляют отработки урановой руды в Таджикистане⁵⁴.

Проблема экологии тесно связана и с ожидаемым экономическим ростом. При интенсификации добычи нефти и газа в Казахстане и Туркменистане резко возрастет угроза экологического загрязнения Каспийского моря. Кстати, уже в настоящее время уровень его загрязнения превышает установленные нормативы в 11 раз⁵⁵. Эта угроза становится особенно велика в случае начала добычи нефти на шельфе Каспия и/или строительства нефтепровода по дну Каспийского моря. С 1974 г. северная часть шельфа объявлена природным заповедником. Здесь находятся основные пастбища для примерно четырех пятых мировых запасов осетровых рыб. Причем расположены они на глубине 2-5 м, то есть именно в тех районах, где предполагается добыча углеводородов. В этот же район в летний период из южной зоны приходят на лежку тюлени. К тому же он является естественной средой обитания для миллионов птиц⁵⁶.

Какие бы совершенные в экологическом плане технологии не были использованы нефтяными корпорациями, вероятность необратимой деградации биосистем Каспия в случае залпового выброса нефти в результате разрыва трубопровода и/или хронических утечек из целевых повреждений труб очень высока.

Другая экологическая угроза, которую таит в себе интенсификация разработки углеводородных ресурсов региона, связана с тем, что на крупнейшем газоконденсатном месторождении Казахстана Карачаганак в начале 80-х гг. была осуществлена серия ядерных взрывов. С помощью направленных взрывов, проведенных на глубине около одного километра, здесь созданы огромные эллипсоидные подземные емкости для отложения запасов конденсата. Хотя ядерные взрывы были проведены лишь на части месторождения, перспективная динамика всей этой геологической структуры не поддается точному прогнозу, и некоторые ученые полагают, что имеется реальная угроза выхода радиоактивности на поверхность земли".

Шок демодернизации и взрывное нарастание неравенства

Непрерывно подтачивающие стабильность факторы взаимно усиливают друг друга и неизбежно начинают действовать в параллельном режиме в строго определенном направлении. Менее чем за десятилетие унаследованные от прошлого структуры повседневности и образ жизни полностью изменились и кардинально деформировались.

Подавляющая часть населения, в первую очередь в сельской местности и некрупных городских поселениях вне поля действия столиц, утратила доступ к современным образовательным, медицинским, транспортным и социальным услугам. Шок демодернизации и мгновенный по историческим меркам переход к иным, несравнимо более примитивным структурам повседневности разворачивается на фоне смены информационного и идеологического поля. Советская и коммунистическая идеология заменены идеологемами строительства национального государства, культурами национальных лидеров, апелляциями к историческому прошлому при сохранении некоторых удобных мифологем советского периода.

При этом во всех центральноазиатских государствах, кроме Таджикистана, власть сохранила бывшая высшая республиканская номенклатура. Либерализация экономики, явная или скрытая приватизация, отказ от выполнения государством социальных функций создали пропасть между меньшинством, сказочно выигравшим при конституировании самостоятельных государств и в ходе "рыночного перехода" и подавляющим большинством населения. Формирование полярных полюсов в обществе, отличающемся сравнительно высоким уровнем образовательного и социального развития, порождает реакции разного типа и интенсивности.

В Таджикистане наблюдается взрыв массового грубого насилия. В Казахстане миллионы людей мигрируют и покидают страну. Реакцию оставшихся казахский политолог Н. Масанов квалифицирует как "хулиганство". В ситуации слома унаследованных социально-экономических структур, присущих советскому обществу, отсутствия альтернативных источников существования и невозможности вернуться в традиционный сектор, безвозвратно сломанный и утерянный в ходе социалистического эксперимента, прошедшее через горнило советского опыта население не способно структурировать свой протест в рамках современных демократических институтов и механизмов. Оно отвечает расширением бытового насилия, увеличением преступности, массовым переходом к полуправильным и криминальным видам экономической активности.

Наличие в столичных и немногих крупных городах, хотя и в усеченном виде, централизованной энергосистемы, пенсионного и социального обеспечения, сети образовательных и в меньшей степени ме-

дицинских услуг спасает общество от массового грубого насилия. В целом сходная ситуация сложилась в северном Кыргызстане, главным образом в Бишкеке, а также столице и крупных городах Узбекистана. Однако в сельских районах Кыргызстана и Узбекистана положение близко к ситуации в Таджикистане конца 80-х - начала 90-х гг. перед погружением его в хаос.

Демодернизация на фоне стремительной социально-экономической маргинализации подавляющей массы населения делает последнее слабо восприимчивым к официальной идеологии. Зато ислам, с его упором на лозунги справедливости и равенства, полностью отвечает массовым установкам и устремлением.

При том, что структура вызовов в Центральной Азии требует не военного, а экономического ответа, именно экономические перспективы региона не вызывают большого оптимизма. Во-первых, экономическое развитие в Центральной Азии локализовано в менее проблемных странах - Казахстане и Туркменистане. Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан в лучшем случае продемонстрируют вялый рост, в действительности же здесь будет продолжаться накопление предпосылок для масштабной социально-экономической катастрофы.

Во-вторых, при тех формах дикого капитализма или феодализма, которые утвердились в Центральной Азии, подавляющая часть населения региона обречена на хроническую бедность и нищету, что делает и без того непростую политическую ситуацию еще более хрупкой. Нищему населению, не имеющему абсолютно никаких жизненных перспектив, в принципе безразлична судьба правящих политических режимов. Вместе с тем оно становится легкой добычей "политического ислама". Каких-либо внутренних стимулов, побуждающих правящие и господствующие группы перейти к более равномерному распределению экономических благ и развитию, основанному на широкой социальной базе, в центральноазиатских странах не существует.

В-третьих, вынужденное увеличение расходов на военно-полицейские нужды дополнительно подрывает и без того слабые надежды на экономический рост. Так, и в без того стремительно погружающемся в слаборазвитость Кыргызстане антитеррористическая операция "съела" в 2000 г. около 13% расходов государственного бюджета⁵⁸.

При формировании ответов на первоочередные вызовы развития центральноазиатским странам приходится уповать только на по-

мощь мирового сообщества. Развитые страны быстро и адекватно прореагировали на некоторые вызовы глобального порядка, порожденные превращением Центральной Азии в проблемную зону мира со слабыми структурами безопасности. Особенно эффективными международные усилия оказались в вопросе блокирования угроз, связанных с возможным распространением ядерного топлива и ядерных технологий.

В постбиполярном мире на первое место выдвинулись вызовы, порождаемые существованием криминальных и полукриминальных производственных и финансовых зон, а также угрозы, связанные с интернационализацией терроризма. Развитые члены мирового сообщества только начали апробацию методов борьбы с новыми вызовами. Так, США выделяет 1,6 млрд долл. в рамках плана борьбы с наркобизнесом, разработанным в начале 2000 г. правительством Колумбии⁵⁹. В центре долгосрочного плана не только борьба с наркокартелями, но и стимулирование здорового экономического развития.

Центральную Азию также ожидает подобная терапия. В мае 1996 г. центральноазиатские страны подписали с Международной программой ООН по контролю за наркотиками меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в области контроля за незаконным производством, оборотом и употреблением наркотических средств⁶⁰. К меморандуму присоединилась Российская Федерация и организация принца Ага Хана по развитию. Эта организация поддерживает исмаилитов, составляющих большинство населения Горного Бадахшана в Таджикистане. С 1993 г. она оказывает этому региону гуманитарную помощь, а также инвестирует средства в развитие некоторых районов Афганистана, Киргизстана, Таджикистана и Узбекистана⁶¹.

В 1996 г. Россия, США, Германия, Швеция и практически все бывшие республики экс-СССР выработали общие подходы к борьбе с международной наркомафией на постсоветской территории⁶². В январе 1998 г. на встрече министров иностранных дел Центральной Азии намечена программа действий по изменению угрожающей ситуации с наркотиками в регионе⁶³. В начале 2000 г. группа "шесть плюс два", объединяющая Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также Россию и США и занимающаяся поиском путей мирного урегулирования в Афганистане, сделала специальное заявление о намерении принять меры по ограничению распространения афганских наркотиков⁶⁴.

На создание вокруг Афганистана «пояса безопасности» предполагается выделить 65 млн долл. Средства пойдут на создание в приграничных с Афганистаном государствах специальных подразделений по борьбе с наркотиками, их обучению, а также укрепление границ⁶⁵. Первый такой пояс безопасности развернут в Таджикистане в 1999—2000 г. Бюро ООН по контролю над наркотиками выделило 2,5 млн долл. на создание в этой стране Агентства по контролю над незаконным распространением наркотиков и дополнительно 0,85 млн долл. группе российских пограничников для закупок специального оборудования с последующей его установкой на границе с Афганистаном⁶⁶.

Еще более сложным для Центральной Азии остается вызов терроризма, который успел пустить в регионе глубокие корни.

Примечания

¹ Kuznetz S. Economic Growth of Nations. Total Output and Production Structure. P. 346-347.

² Тойнби А.Дж. Постигание истории.

³ Московские новости. № 11. 17 марта 1991. С. 8.

⁴ Мусабеков Е., Скокбаева М. Предварительные итоги первой национальной переписи населения Республики Казахстан. С. 89.

⁵ Голотюк Ю. Российская разведка работает на ООН // Время новостей. 25 октября 2000. С. 3; Искандаров К. Наркобизнес в Таджикистане: связь с афганским конфликтом. С. 179.

⁶ Емельяненко В. Юг переходит на север // Московские новости. № 41. 1996. С. 18.

⁷ Попов В. Афганистан сажает Европу "на иглу" // Независимая газета. 9 июня 2000. С. 8.

⁸ Шакиров М. Кто будет контролировать "белую трассу"? // Новая газета. № 37. 7-13 октября 1996. С. 2.

⁹ Зеличенко А. "Опиумная война" в Центральной Азии // Центральная Азия (Швеция). № 5. 1997. С. 107; Зеличенко А. Сценарий опиумного кошмара // Общая газета. № 33. С. 19-25 августа 1994. С. 6.

¹⁰ Разумов Я. Отрава // Век. № 46. 1-7 декабря 1995. С. 12, Панорама. № 30. 29 июля 1995. С. 9.

¹¹ Итоги. № 14. 8 апреля 1997 С. 54.

¹² Николаев Д. Транзитная территория // Независимая газета. 2 апреля 1999 С 2

¹³ Воскресенский Г. Вольный рынок наркотиков // Век. № 16. 17-23 апреля 1998. С. 6.

¹⁴ См.: Попов В. Афганистан сажает Европу...

¹⁵ В Таджикистане идет регионально-клановая борьба за власть, утверждает президент Узбекистана // Панорама. № 47. 4 декабря 1998. С. 5.

¹⁶ Шакиров М. Кто будет контролировать...

¹⁷ Калачев Б., Баринов А. Организованная, преступная... // Сегодня. 16 октября 1997. С. 7.

¹⁸ Соболев М. "Липа" круче конопли // Век. № 8. 20-26 февраля 1998. С. 2.

¹⁹ Шинкарев Л. Наркопожар // Известия. 14 января 1998. С. 5.

²⁰ Калачев Б., Поляков С. Омут наркотических "забав" // Экономика и жизнь. №38. Сентябрь 1991. С. 4.

²¹ Латыпова Е. Казахстан примет участие в специальной сессии Генассамблеи ООН по проблеме наркотиков // Панорама. № 21. 29 мая 1998. С. 5.

²² Дрозд Н. В 1997 году в Казахстане изъято более 31 тысячи наркотиков на сумму около \$25 млн // Панорама. № 6. 13 февраля 1998. С. 6.

²³ Арбабаева Г. "Бекжан Карибколов, Интерпол: "Согласно международным экспертным оценкам, Казахстан может производить до 5 тысяч тонн наркотиков в год" // Панорама. № 15. 17 апреля 1998. С. 6.

²⁴ Калеева Т. Гидра наркобизнеса над Казахстаном // Казахстанская правда. 1 ноября 1997. С. 2.

²⁵ Панорама. № 6. 13 февраля 1998. С. 6.

²⁶ Левшин А. Описание киргиз-казачьих и киргиз-кайсацких орд и степей. С. 367-371.

²⁷ Kendirbay G. The National Liberation Movement of the Kazakh Intelligentsia at the Beginning of the 20* Century. P. 489.

²⁸ Allworth E. Encounter P. 3.

²⁹ Космарская Н. Социально-психологические аспекты межнациональных отношений в Северном Прииссыкулье. С. 53.

³⁰ Карелин С. Узбекистан ждет помощи от России // Независимая газета. 3 июля 1998. С. 5.

³¹ Бакеев А. В Киргизии активизировались сторонники ваххабизма // Время MN. 26 апреля 2000. С. 5

³² См.: Максименко В.И. Политическая активизация ислама в Магрибе на рубеже 70-80-х годов.

³³ Березовский Б. Талибы расстелили молитвенный коврик // Российская газета. 19 августа 1998. С. 7.

³⁴ Карабоги Г. Узбекских ваххабитов отправили в лагеря // Коммерсантъ-Daily. 10 июля 1998. С. 5.

³⁵ Салимжанов С. Ташкент стал горячей точкой // Новое поколение. № 7 19 февраля 1999. С. 1; Яцкий А., ШахаровФ. Ташкентский синдром //Караван. № 35 19 февраля 1999. С. 2.

- ³⁶ Дубнов А. Война в Киргизии - всерьез и надолго // Время МН. 31 августа 1999. С. 6.
- ³⁷ Дубнов А. Особенности национальной рыбалки // Время новостей. 14 августа 2000. С. 1; Сборов Ю. Исламские боевики выбиты из Узбекистана // Коммерсантъ-Daily. 12 августа 2000 С. 3.
- ³⁸ Пономарев В. Узбекистан без ретуши // Независимая газета. 5 февраля 2000 С. 8.
- ³⁹ Баялинов К. Ферганская долина ждет своего Эскобара // Московские новости. № 52. 30 октября - 6 ноября 1994. С. 11.
- ⁴⁰ Дубнов А. "Ислам Каримов: "Меня называют шайтаном..." С. 6.
- ⁴¹ Гафарлы М. Наркобизнес и исламский экстремизм // Независимая газета. 23 октября 1999. С. 5.
- ⁴² Крохмаль В. Спасение Арала...по иранской технологии // Казахстанская правда. 10 июля 1997. С. 4.
- ⁴³ Rao S. Aral Sea Region Starved of Water// The Moscow Times. 13 October 2000. P. 6.
- ⁴⁴ Узбекистан. Отчет по человеческому развитию. 1995. С. 57.
- ⁴⁵ Егоров Ю. Арал раздваивается // Независимая газета. 29 августа 2000. С. 5.
- ⁴⁶ Узбекистан. Отчет по человеческому развитию. 1995. С. 36-38, 96.
- ⁴⁷ Выступление министра Республики Казахстан на 50-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (27 сентября 1999 года, Нью-Йорк) // Панорама. № 38. 30 сентября 1995. С. 5.
- ⁴⁸ Егоров Ю. Арал раздваивается...
- ⁴⁹ Радиационная обстановка в Семипалатинском регионе и меры по ее улучшению // Информационный экологический бюллетень. IV квартал 1998 года. С. 58; Корбут А. Визит Игоря Сергеева в Казахстан // Независимая газета. 28 октября 1997. С. 3; Баядилов Е., Байдельдинов Д. Экологическая безопасность: проблемы и поиск решения // Азия. Экономика и жизнь. № 18. Май 1997. С. 7.
- ⁵⁰ Баядилов Е., Байдельдинов Д. Экологическая безопасность...
- ⁵¹ Абраменко Т. В Казахстане проходит международная конференция по проблемам нераспространения ядерного оружия // Панорама. № 35.12 сентября 1997. С. 4.
- ⁵² Козлов С. С полигонами почти все ясно, чего не скажешь о "Шевроне" // Независимая газета. 26 мая 1993. С. 6.
- ⁵³ Корбут А. Визит Игоря Сергеева...
- ⁵⁴ Узбекистан. Отчет по человеческому развитию. 1995. С. 59.
- ⁵⁵ Кузьменко Б. Последняя весна каспийского тюленя // Время МН. 31 мая 2000. С. 1,8.
- ⁵⁶ Казахстанская правда. 10 января 1995. С. 2.
- ⁵⁷ Еслямова Т. Слухи о радиационной опасности на Карачаганаке пока не подтверждаются // Панорама. № 21. 28 мая 1999. С. 9; Рахимбеков Б. Ядерный «джинн» рвется из под земли // Новое поколение № 45. 15-21 ноября 1996. С. 5.
- ⁵⁸ Разгуляев Ю. В ожидании войны // Время МН. 21 апреля 2001. С. 4

---

⁵⁹ План против плана // Ведомости. 20 апреля 2000. С. А4.

⁶⁰ Наркомания - беда общая // Казахстанская правда. 15 января 1998. С. 1,3.

⁶¹ Ардаев В. Россия и принц Ага Хан решили вместе бороться с наркотиками // Известия. 21 января 1998. С. 1.

⁶² Санин Г., Дворников С. Караваны идут на Север // Сегодня. 14 августа 1996. С. 7.

⁶³ Бафина Г. "Мараткали Нукунов: "Сегодня наркоситуация в нашей стране складывается из двух проблем - транзит и производство наркотиков" // Панорама. №24. 19 июня 1998. С. 4.

⁶⁴ Скакунов И. "Серая смерть" приходит с Востока // Сегодня. 2 марта 2000. С. 7.

⁶⁵ Дунаев В. Афганские наркобароны внушают страх соседям // Известия 1 марта 2000. С. 4.

⁶⁶ Голотюк Ю. "Соседи и друзья" блокируют Афганистан // Время новостей. 15 сентября 2000. С. 2.